

Мужчина и женщина: ошибка Бога или полнота счастья?

Зачем мужчине и женщине быть вместе?

Зачем мужчине и женщине быть вместе? Почему, будучи в физиологической своей природе такими разными, мужчина и женщина неизбежно тянутся друг к другу? Казалось бы, ответ на вопрос лежит где-то на поверхности. Но если он так очевиден и ясен, то почему, заключив брак, многие вскоре расстаются? Может, наша различность — ошибка Бога? Впрочем, ответы действительно ближе, чем кажется. Неожиданные и порой неизвестные современному человеку ответы мы встречаем на страницах Библии. Предлагаем нашему читателю серию из двух статей, посвященных этой загадке.

Сотворим человека и да владычествуют они

Проблема двух полов волновала умы с древнейших времен. Над таинственным различием между мужчиной и женщиной задумывались и в эпоху античности, и в средневековье, и сегодня. Что неудивительно: даже самый поверхностный взгляд показывает — разница в поведении и психологии мужчин и женщин настолько очевидна, что с долей поэтического преувеличения можно сказать — мы существа с разных планет: «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» (так, кстати, назвал свою книгу популярный американский психолог Джон Грей).

Но вопрос о смысле существования в мире мужчин и женщин, о смысле их брака и, наконец, о смысле любви между ними неизбежно приводит к вопросу о смысле самой жизни. Может, поэтому одним из первых на тему любви и брака высказался автор библейской книги Бытия.

И сказал Бог: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему* (Быт 1:26). Как видим, повествование о творении homo sapiens ведется в единственном числе — «сотворим человека». Здесь речь еще не идет о мужчине и женщине, но о едином лице, содержащем в себе мужскую и женскую природу. Однако далее в тексте единственное число неожиданно превращается во множественное: *и да владычествуют они...* (Быт 1:26).

Что это за несогласованность? Случайность, ошибка в переводе, безграмотность автора? Вопрос этот волновал многих толкователей Библии. Еще константинопольский архиепископ V века святой Иоанн Златоуст, известный своими размышлениями на тему библейских сюжетов, удивлялся этому месту. Златоуст считал, что перед нами как бы разворачивается картина поразительного единения в первочеловеке того, что вскоре будет разделено и названо мужчиной и женщиной.

Библия и миф об андрогине

Древнегреческий философ Платон говорил, казалось бы, нечто подобное о мифологическом андрогине — идеальном существе, в котором соединены два пола. Физическое разделение на мужчин и женщин трактовалось им как трагедия. Каждая из половин стала чем-то ущербным.

Не об этом ли говорит нам и Библия? Не схожа ли библейская картина творения человека с античным мифом об идеальном половом единстве в андрогине? Ведь в библейском тексте речь тоже сначала идет о цельном человеке без половых признаков.

На самом деле, идея андрогина в корне чужда библейскому представлению. «Человек» первой главы книги Бытия — это и мужчина, и женщина как одно целое, одно лицо, в котором объединены, скорее, мужская и женская природа, но не пол в физиологическом смысле.

Это очень важно, потому что для библейского автора первична личность. Пол только помогает ей уникально проявить себя. Но он не диктатор, не фрейдистская первопричина, к которой сводится все в человеке. Пол для библейской традиции — лишь «боготканая одежда», важная и глубокая часть нашей природы, которая, однако, снимается с приходом Царства Небесного, где уже *нет ни мужского пола, ни женского* (Гал 3:28).

У античных авторов все иначе, ведь именно пол для них — это весь человек. Именно поэтому Аристофан не может себе представить андрогина о двух ногах и руках. Ведь если в андрогине два пола, значит, у него должно быть четыре руки и четыре ноги: «Тело у андрогина было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано. Передвигался такой человек либо прямо, во весь рост, — так же, как мы теперь, но любой из двух сторон вперед, либо, если торопился, шел колесом, заноса ноги вверх и перекатываясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро бежать вперед».

Этот «человек-колесо» в античных источниках мог появиться, с одной стороны, по причине полного отождествления человека с

его физической природой, а с другой — из-за устойчивого стремления к целостности.

Библейское же повествование о человеке как едином начале, означает, по-видимому, что все человеческие особенности одинаковым образом относятся как к мужчине, так и к женщине, которые пока еще не предстали друг пред другом в своем половом различии.

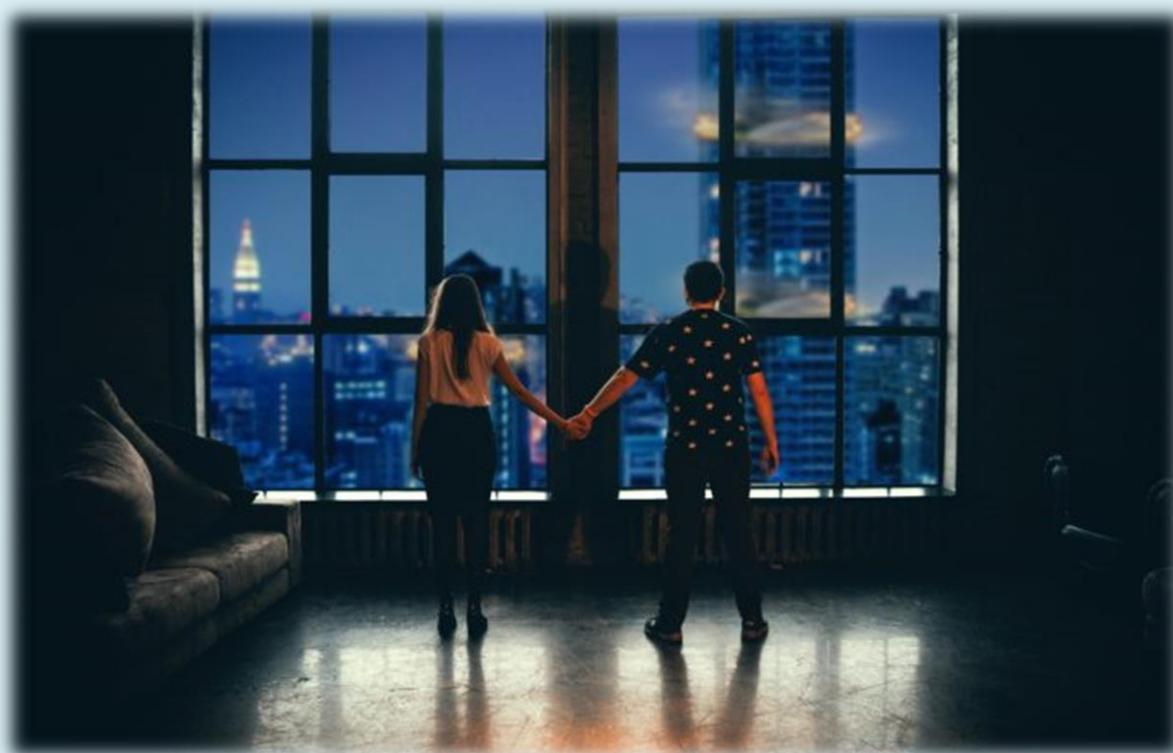
По толкованию христианского автора V века блаженного Августина, употребление единственного числа в книге Бытия, кроме того, указывает на единство будущего союза. Таким образом, мужчина и женщина «качественно равны между собой», они оба сотворены *по образу и подобию Бога*.

Этот древний библейский отрывок является первым в истории манифестом, уравнивающим права мужчин и женщин еще задолго до возникновения феминизма. Он говорит, что и Адам, и Ева в своей богочеловеческой сути одинаковы. Они оба — совершенные существа, и совершенство это заключается в их *богоподобии*.

Право на чуткость

Во второй главе книги Бытия читаем, как человек приглашается наречь имена всему живому в мире. И сказал Господь Бог: *не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему (Быт 2:18-20).*

Что мы видим? Бог оборачивает весь мир к человеку и ждет: что человек сделает с этим миром, как назовет его? Вдумаемся, как странно: мир, который согласно Библии сотворен Творцом Его единым: *Да будет*, нуждается еще и в слове человека, который, в свою очередь, становится не только соискателем смысла, но и свободным ценителем красоты всего созданного. Но Бог Библии далек от диктата — Он дает человеку право на то, что в религиозном опыте называется «синергия» — на свободное взаимодействие, сотрудничество, соработничество. То есть в конечном смысле — право на творчество и личную чуткость.

Наконец, наступает момент, когда человеческий опыт познает Божественный замысел. У всего, что встретил человек в этом первозданном мире, находится пара, кроме самого человека, который неожиданно не только ощущает полное одиночество, но понимает необходимость еще кого-то. И только тогда, когда эта потребность осознается опытом человека, Бог дает бытие его мысли.

Иоанн Златоуст говорит, что изначально в человеке были заложены все свойства, но постепенно, по мере созревания, в нем начали проявляться несовместимые в одном существе и мужские, и женские качества. Когда он, наконец, достиг зрелости, Бог разделил его: Адам познал, что он один — и перед ним явилась Ева.

Каким сном спал Адам?

Но этот акт появления «другого» не был обыкновенной эволюцией, тривиальным развитием. Библия повествует об этом так: *И навел Господь Бог на человека крепкий сон* (Быт 2:21). То есть, согласно библейскому повествованию, чтобы произвести жену, Бог вводит человека в необычное состояние, для обозначения которого в древнееврейском языке существовало слово «тардема».

«Тардема» — это больше, чем крепкий сон. Это состояние, когда человек как бы теряет себя. Греческий перевод предлагает нам слово «ékstasis» — буквально экстаз, выход из себя, когда человек уже не замкнутая личность, а раскрытая, восприимчивая к влиянию извне. В славянском переводе этому понятию близко слово «исступление».

Иначе говоря, речь в книге Бытия не идет о том, что Адам заснул «глубоким сном», а Бог хирургически вырезал у него ребро и «долепил» до образа жены. Человек, находясь в «тардеме», уходя в свои глубины, раскрывается и становится чем-то большим, чем был до того.

Библия еще раз подчеркивает, что ни у Адама, ни у Евы нет права первенства пред Богом, но есть единство природы мужа и жены. То есть благодать Божия лежит на обоих. Они имеют одинаковое человеческое достоинство. Адам не деградировал, родив Еву, и Ева не стала высшей ступенью эволюции, произойдя от Адама.

Далее читаем, как Адам, увидев Еву, восклицает: *это кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женой: ибо взята от мужа* (Быт 2:23).

Гимн любви

Совершенно непонятно, с какой стати «ребро» Адама должно быть названо «женой»? В этом смысле славянское слово «жена» не несет особенной смысловой нагрузки, кроме той, что жена как бы «пожата», «пожената из мужа». Впрочем, ни один другой перевод также не смог передать идейной наполненности термина. В еврейском оригинале мы обнаруживаем: «жена» будет называться «ишá», ибо взята от «мужа», который по-еврейски звучит как «иш». Удивительная игра слов! Древнееврейское слово употреблено здесь сразу в двух родах, в мужском и женском, и подразумевает одно человеческое существо, но две стороны одного и того же явления.

Здесь мы впервые сталкиваемся с проявлением поэтического творчества в жизни человека. Это первый гимн Любви. Адам воспеваает Еву и те отношения, которые складываются между ними, воспеваает чудо общения на равных, которое подарит ему жена. Адам взглянул на жену и увидел, что она имеет самобытность, она существо полноценное, до конца значительное, и связана с живым Богом неповторимым образом, как и он сам. Адам видит и осознает, что Ева — это как бы он в женском роде, а Ева видит в Адаме, что это она, но в мужском «исполнении». Таким образом, после появления Евы мужская и женская природа начинают проявляться как половая полярность. Отсюда следует, что пол далеко не функция человеческого организма. Пол — это свойство всего человека, каждой клетки его тела; свойство, но не суть.

Через физиологическое различие Адам и Ева становятся неидентичными друг другу. У них появляется не только личностная разница, но инаковость. Они будто действительно происходят с разных планет: «с Марса и Венеры», оставаясь при этом детьми одной «солнечной системы». Иначе говоря, сыны Адама и дочери Евы не две цивилизации (на уровне человеческой природы и человеческого достоинства — мужчина и женщина — это два абсолютно одинаковых существа), но они два разных образа существования.

Половое различие для них не становится болью. Animus и anima, мужское и женское измерение бытия дает им обоим возможность осознать себя всецелым человеком, не обкрадывает их, а наделяет возможностью еще сильнее и глубже чувствовать мир и друг друга, еще глубже понимать себя.

Тут мы впервые в библейском тексте встречаемся с мыслью, что только вместе Адам и Ева составляют полноту человеческого счастья.

Вместо заключения

Итак, наше пресловутое природное несходство далеко не ошибка, совсем не прихоть и даже не причуда. Эта различность, показана в Библии,

